

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Вилли Хейлман

ПОСЛЕДНИЕ БОИ ЛЮФТВАФФЕ

**54-Я ИСТРЕБИТЕЛЬНАЯ ЭСКАДРА
НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ**

1944–1945

Вилли Хейлман

**Последние бои люфтваффе.
54-я истребительная эскадра
на Западном фронте. 1944-1945**

«Центрполиграф»

Хейлман В.

Последние бои люфтваффе. 54-я истребительная эскадра на
Западном фронте. 1944-1945 / В. Хейлман — «Центрполиграф»,

Пилот люфтваффе, командир 7-й, а затем 9-й эскадрильи, участник сражений в окрестностях Парижа Вилли Хейлман рассказывает о боевых буднях немецких летчиков. О том, как немногие ветераны воздушных сражений принимали на себя основной груз войны, участвуя в бесконечных штурмовых атаках под зенитным огнем и «собачьих схватках» с противником, потому что на фронт присылали неопытных пилотов, прошедших обучение всего за несколько недель и почти сразу погибавших в бою. Хейлман анализирует достоинства и недостатки системы учета воздушных побед и подсчета очков для получения наград. Автор завершает свои воспоминания рассказом о последних днях Второй мировой войны.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Вилли Хейлман

Последние бои люфтваффе. 54-я истребительная эскадра на Западном фронте. 1944–1945

Предисловие

Почему я написал эту книгу?

Как оправдание немецкого солдата? Нет. Человеку, не нуждающемуся в оправданиях, не требуется никаких слов.

В 1945 г., осажденные численно превосходящим врагом, мы вступили на бесславный путь, которым прошли наши побежденные солдаты. Мы учились хранить молчание, когда ценности, которыми всегда дорожили, стали несостоятельными и были втоптаны в грязь. Мы потеряли свободу, пожертвовали своим имуществом и здоровьем. Мы похоронили своих товарищей и близких.

Но мы не потеряли одного – своей любви к родине.

И именно поэтому я написал эту книгу, чтобы наша страна знала, что в самые трудные часы¹ мы любим ее так же, как делали это в более счастливые времена, что мы счастливы быть ее сыновьями и хотим помочь ей преодолеть эти несчастья с тем же моральным духом, с которым сражались за нее.

Я писал эту книгу, движимый желанием показать немецкого солдата таким, каким он был, как он думал, говорил и вел себя. Эта книга – свидетельство очевидца, и я надеюсь, что она поможет лучше осмыслить прошедшие события и, может быть, немного изменить общественное мнение.

Вилли Хейлман

---

¹ Необходимо сразу отметить, что эти мемуары Хейлмана были впервые опубликованы в 1951 г., вскоре после того, как Германия разделилась на две части – Западную и Восточную – с различными политическими системами. (Здесь и далее примеч. пер.)

Глава 1

В последний момент я рванул ручку управления влево и резко потянул ее на себя. Во время разворота с креном 90° я старался удерживать правую ногу на педали руля направления, пока не почувствовал судорогу, в то время как подо мной словно злобещий кошмар промелькнули железные фермы Эйфелевой башни. Я еще раз вышел сухим из воды. Со вздохом облегчения я выровнял свой FW-190 и осмотрелся, тревожась за своих товарищей.

Вокруг не было никого!

Потеряться в сгущающихся сумерках в сильную грозу не составляло никакого труда.

В течение получаса я кружил над Парижем, надеясь найти кого-нибудь из своих. Капли дождя стучали по фонарю кабины, лобовое стекло покрылось маслом, и я использовал систему омывания, чтобы очистить его.² Шквалистый ветер дул в борт «Фокке-Вульфа», и, несмотря на скорость 500 км/ч, его мотало словно щепку.

И вдруг внизу, немного слева, я заметил аэродром!

Заложив глубокий вираж, я стал изучать возможность приземления. Это был подходящий аэродром, но посадочных знаков и «сосиски»³ не было видно. Все это не могло помешать посадке, так как мы всегда более или менее точно могли определять направление ветра. Итак, я начал готовиться к посадке: убрал газ и выпустил шасси.

Но вдруг со всех сторон от моей машины появились красные и желтые трассеры. Вокруг все закипело, как в дьявольском котле. Эти парни, очевидно, не опознали мой «Фокке-Вульф», или же это была атака с воздуха. Я быстро оглянулся назад.

Нет, на хвосте никого не было. Я резко спикировал и на малой высоте пролетел над летным полем. От волнения зенитчики не видели, что я покачивал крыльями. Видимо, придется покинуть этот сектор как можно быстрее. Внезапно меня пронзила мысль, что над Парижем должны были быть вражеские самолеты. Почти тридцать минут я тщетно пытался установить связь с какой-нибудь наземной станцией, но их приемопередатчики не были настроены на рабочую длину волны, и я не мог ожидать никакой помощи с базы в Кёльн-Остхайме.⁴

Мимо меня по правому борту проплыла базилика Сакре-Кёр⁵ – величественное сооружение в романо-византийском стиле на Монмартре. Дождь наконец прекратился, но погода была совершенно непригодна для полетов на малой высоте. Дрожащей рукой я вытер со лба пот, автоматически включил навигационные огни и начал выпускать сигнальные ракеты: красная, красная, красная. Я должен был приземлиться самое позднее через десять минут, поскольку топливо было почти на исходе. Сигнальная лампа на приборной панели⁶ уже мигала некоторое время.

Существовала и другая возможность – Ле-Бурже,⁷ большой столичный аэропорт, – сумасшедший хаос воронок от бомб и разрушенных боевых и транспортных самолетов. «Нет, Хейл-

---

² В ходе полета на лобовое стекло и боковые стекла фонаря могли попадать капли масла, частички гари и т. п., вылетающие из выхлопных патрубков двигателя, что приводило к ухудшению видимости. Поэтому FW-190 были оборудованы системой омывания стекол, в качестве очищающей жидкости использовался обычный бензин из топливной системы истребителя.

³ Жаргонное слово, используемое летчиками для обозначения указателя направления ветра, в виде полосатого полотняного конуса, обычно поднимаемого на мачте над пунктом управления полетами.

⁴ Остхайм – аэродром, располагавшийся около Кёльна на правом берегу Рейна. Ныне этот район находится в городской черте.

⁵ Сакре-Кёр – сердце Иисусово (фр.).

⁶ Имеется в виду индикатор резервного остатка топлива.

⁷ Ле-Бурже – аэродром на северо-восточной окраине Парижа, в 12 км от центра города.

ман, ты не сможешь посадить истребитель с двигателем в две тысячи лошадиных сил на подобной поверхности. Ты не в разведывательном самолете типа Физелер „Шторх“». ⁸

Два истребителя приближались ко мне снизу. Я хотел уже нажать на спуск оружия, но распознал в них своих друзей. Покачать крыльями, подойти ближе. Они приближались крылом к крылу, словно робкие «кролики», ⁹ включив свои бортовые огни – зеленый, красный, белый. С мрачной усмешкой я подумал о своем полетном задании: привести двенадцать машин с только что оперившимися пилотами как пополнение для III группы Jagdgeschwader 54. ¹⁰ Теперь это больше не имело значения. Я должен был приземлиться, пока у меня все еще оставалась такая возможность. Жаль, что я не изучил подробное расположение на карте парижских аэродромов, прежде чем вылетел на задание. Наш полет стал достаточно неожиданным, а опытный командир эскадрильи, фельдфебель, только что оправившийся после ранения, в тот полдень заявил с большим апломбом: «Держитесь лишь поближе ко мне, мальчики, и я приведу вас в Виллькобле». ¹¹

Отлично, и что теперь?

У меня осталось топлива еще минут на пять. Красная лампочка угрожающе мерцала. Три машины сделали широкий круг над городскими предместьями. Еще один аэродром. Что это – Орли? ¹² Он был полностью разбомблен. По правому борту в серых сумерках снова появилась Эйфелева башня. Если мы сохраним этот курс, то должны будем достичь Версаля и аэродрома, который ищем, – Виллькобле. Глаза напряженно всматриваются в плотный сумрак. Версаль!

Мой сосед справа вдруг резко отвернул и исчез из вида. Я с удивлением смотрел за тем, как он удалялся. «Талли-хо»! ¹³ Внезапно появились огни аэродрома. Мог ли это быть Виллькобле? С высоты взлетно-посадочная полоса выглядела крайне маленькой. Красные и белые огни указывали направление захода на посадку. Разворот влево, заход, пора. Вздохнув, я начал постепенно передвигать рычаг дросселя назад, уменьшая скорость. Теперь я ни при каких обстоятельствах не мог снова увеличить обороты. Это было бы безрассудством теперь, когда двигатель в любой момент мог остановиться из-за отсутствия топлива. Ничего не поделаешь, но пришлось выполнить официально запрещенное скольжение на крыло. ¹⁴ Правую педаль руля направления до отказа в пол, ручку управления слегка влево, необходимо позволить машине войти в немного более крутой вираж. «Фокке-Вульф» снижался словно мешок с тряпками.

Черт возьми, что это? Передо мной взлетели красные сигнальные ракеты, и наземные огни потухли. О Боже! С противоположного направления на посадку заходил «Фокке-Вульф». Этот парень совершенно потерял самообладание, пытаясь приземлиться на этой крошечной полосе с подветренной стороны? Позади него появилась вторая тень. Они абсолютно потеряли разум! Сжав губы, я толкнул рычаг дросселя вперед. Несколько воздушных ям. Внимание, не останавливаться. Затем надсадно ревуший двигатель поднял «Фокке-Вульф» прямо над приземлявшейся машиной. Господи! Еще один заходит с неправильного направления. Они все просто сошли с ума.

Два «кролика» все еще были у меня на хвосте. Это были те самые пилоты, что прилепились ко мне и сопровождали в течение последних десяти минут. Теперь я ни в коем слу-

⁸ Легкий одномоторный самолет Fieseler Fi-156 «Storch», использовавшийся в качестве связного и спасательного самолета; имел двигатель мощностью 240 л. с. и максимальную скорость 175 км/ч. Его разбег на взлете составлял всего 65 м, а пробег при посадке – 22 м, что позволяло взлетать и приземляться на крошечных площадках с более или менее ровной поверхностью.

⁹ Жаргонное слово, которым в люфтваффе называли молодых неопытных пилотов.

¹⁰ Jagdgeschwader (JG) – истребительная эскадра люфтваффе.

¹¹ Виллькобле – аэродром на юго-западной окраине Парижа.

¹² Орли – аэродром на южной окраине Парижа, в 14 км от центра города.

¹³ Поскольку Хейлман издавал свои мемуары на английском языке, то он широко использует англо-американский военный жаргон. Так, выражение «талли-хо» у летчиков-истребителей союзников обозначало победу, удачный перехват и т. п.

¹⁴ Имеется в виду, что скольжение на крыло запрещалось выполнять в процессе приземления, поскольку возникала угроза сваливания самолета.

чае не должен показать, что испытываю страх. Бесплезно размышлять о том, что может случиться, когда топливо почти закончилось. Новый заход. Практически полностью стемнело, линия красных и белых огней и красный круг вокруг аэродрома были четко видны. Когда носовая часть моего самолета будет указывать на белую линию, я должен снова начать приземление. Пока все шло превосходно. Нужно выпустить шасси, закрылки опустить вниз, уменьшить газ и теперь медленно потянуть ручку управления на себя. Небольшое скольжение на крыло, осторожно, необходимо сохранить устойчивость. Теперь вниз. Моя рука автоматически двигала ручку управления. Небольшой толчок. Тормоза.

Приходилось поворачивать то влево, то вправо, я уже был на краю аэродрома. Дружественные прожектора осветили мой «Фокке-Вульф». Я выбрал самый маленький аэродром в окрестностях – Бук, в нескольких километрах к югу от Версаля.

Дрожащими руками я прикурив сигарету. Механики окружили меня и начали оживленно рассказывать, что видели мой самолет в течение длительного времени, но не осмеливались подать никаких идентификационных сигналов. Вокруг шныряли американские «Тандерболты».¹⁵ Патруль истребителей-бомбардировщиков совершал вечерний тур над парижскими аэродромами. Смогли ли сесть остальные? Санитарная и пожарная машины промчались поперек летного поля. Видимо, кто-то разбился. Все три «Фокке-Вульфы», заходившие на посадку с подветренной стороны, потерпели аварии на краю аэродрома. Первый стоял на носу, второй – тоже, он горел как свечка. Третий пилот, выглядевший ужасно, показал опущенные вниз большие пальцы – знак неудачной посадки. У его самолета было сломано шасси. В это время приземлялась последняя машина. Слишком быстро. Это был новичок. Он зашел хорошо, но взлетно-посадочная полоса была слишком коротка. Еще одна новенькая машина скапотировала. Пропали четыреста тысяч марок!

– Манц, – сказал, представляясь, док, стройный, очень эlegantный офицер медицинской службы, носивший щегольский мундир.

– Я – Хейлман.

Я заметил глубокие шрамы на левой щеке доктора. Забавно, только золотой сережки, казалось, не хватало. Затем я увидел медали: Железный крест 1-го класса, полученный на действительной службе, медаль за Сталинград. Так что все еще были господа, которые смогли стряхнуть с себя лед Восточного фронта.

– Хорошая работа, – произнес доктор, тщательно полировавший носовым платком стекла своих очков.

– Да уж...

– Один из пилотов, ефрейтор, получил серьезные ожоги. Другой, фельдфебель, наглотался бензина, что не слишком полезно для его желудка.

Я обратился к доктору с просьбой подвезти меня, и он согласился.

«Ганза» ехала, двигатель мягко мурлыкал. «Я должен немного поспать, – подумал я. – В чем я теперь нуждаюсь, так это в приличной кровати».

– Вы из боевого подразделения? – спросил доктор, крутя руль и прерывая мои мысли.

– Нет. Мы из истребительной группы «Запад».¹⁶ Пополнение для III./JG54.¹⁷

– Хм-м. Вы должны были пролететь еще несколько километров. – Доктор резко повернулся ко мне. – Нас здесь редко кто посещает, кроме «друзей» с противоположной стороны. Как вы можете представить, это не слишком желанные визиты. Они навещают нас каждый вечер.

---

¹⁵ Истребители-бомбардировщики P-47 «Thunderbolt».

¹⁶ Имеется в виду учебно-боевая истребительная группа «Запад», задачей которой была окончательная подготовка пилотов, прошедших полный курс обучения в истребительных авиашколах.

¹⁷ В люфтваффе номера групп внутри эскадр обозначались римскими цифрами, а номера эскадрилий – арабскими. Так, III./JG54 означало 3-я группа 54-й истребительной эскадры, а 7./JG54 – 7-я эскадрилья 54-й истребительной эскадры.

– Нам еще далеко?

– Нет, уже почти приехали. Мой госпиталь находится почти рядом с квартирой, – ответил доктор Манц с улыбкой. – Хотите сигарету?

– Благодарю.

Свет от спички осветил наши лица. Я жадно вдыхал дым в свои легкие. Автомобиль повернул направо и остановился около дома доктора.

– Вот мы и на месте. Берите одежду с собой. Вы мой гость сегодня вечером. – Доктор пошел вперед.

Казалось, это был типичный парижский жилой квартал. Много железобетона, стекла, свежего воздуха, комфортабельные комнаты. Я сморщил нос, почувствовав запах карболки.

– Так, вы большой знахарь, а? – спросил я шутливо.

– Я должен иметь ее, вы же знаете.

Справа открылась дверь. Два больничных санитаров приветствовали нас.

– Раненые уже здесь?

– Да, господин доктор. Мы отправили ефрейтора прямо в Клиши.¹⁸ Фельдфебель все еще без сознания.

– Я осмотрю его.

Старший из двух санитаров выпрямился по стойке «смирно» и открыл дверь, которая вела в больничное отделение. Теплый, застоявшийся воздух встретил нас, когда мы вошли. Я затушил свою сигарету.

– Так, Виммерс, как он выглядит? – спросил доктор, поворачиваясь к маленькому, точнее, тщедушному солдату, который заботился о пострадавшем. Он стоял сбоку.

– Я рад, доктор, что вы приехали, – произнес этот человек с тревогой, не отрывая глаз от пациента. – Кажется, хуже, чем мы думали. Мы не можем его передвинуть, он все время стонет.

Когда доктор повернул лампу к человеку, лежавшему на кровати, я от удивления широко открыл глаза. Это был фельдфебель, летевший во главе эскадрильи. Я помнил его заверение, когда он с улыбкой превосходства сказал: «Держитесь лишь поближе ко мне, мальчишки...» Это было всего три часа назад.

И теперь он лежал тут с серьезным отравлением бензином. Доктор спокойно осматривал пострадавшего. Казалось, что с его левой ногой что-то не так. Он приказал наложить шину. «Может быть перелом», – сказал доктор. Внезапно раненый, находившийся без сознания, застонал и его несколько раз вырвало. Отравленный организм сопротивлялся. Санитар быстро подставил лохань, но было уже поздно – зловонное месиво запачкало синее клетчатое одеяло.

– Это хорошо, – сказал мне доктор Манц. – Чем сильнее его тошнит, тем лучше, он сам сделает за меня часть работы, и мне не придется использовать зонд для промывания желудка.

После того как доктор Манц дал распоряжения, заверив санитаров, что скоро вернется, он отвел меня в сторону, и мы вместе покинули палату.

– Вы не должны волноваться, мой друг. Мы всегда довольны, когда это проходит так безобидно, как сейчас.

Он шел впереди по длинному переходу.

– Будьте осторожны, мы не должны здесь включать свет. Вся стена коридора практически одно большое стеклянное окно, как в студии. Вы сможете лично убедиться в этом завтра утром. – Он открыл дверь и немного повозился, прежде чем нащупал выключатель.

Моим глазам предстала комфортабельно обставленная комната, освещенная теплым светом бра.

---

¹⁸ Клиши – северо-западное предместье Парижа.

– Чувствуйте себя как дома, Хейлман. Я должен вернуться на работу. Дверь там ведет в маленькую спальню, которая будет вашим домом до завтрашнего утра. Идите и ложитесь спать. – Не дойдя до выхода, он повернулся и указал на диван у стены напротив. – Там вы найдете все, что захотите. Я знаю, что вы, пилоты, немного избалованы, но мои сигары и шнапс неплохие. Вы можете пользоваться ими; что же касается меня, то я наверстаю упущенное в следующий свой приезд в Виллькобле. В любом случае командир вашей группы прекрасный товарищ. Я говорю это вам просто для того, чтобы успокоить ваши нервы.

– Зачем успокаивать мои нервы? – спросил я с улыбкой.

– Хорошо, я полагаю, что вы не ждете букетов за вашу вынужденную посадку. О, подождите еще минуту. Я забыл наиболее важную вещь. – Он сардонически ухмыльнулся от двери. – Если вас ночью что-нибудь застигнет врасплох, то вы найдете туалет в коридоре, сразу же за дверью. Вы сможете найти его даже в темноте.

Он выключил свет. Я бросился открывать окно. Невозможно было дышать тяжелым, пропахшим сигарами воздухом, и перед сном комнату нужно было проветрить. Я остановился у окна, завороченно глядя на очаровательную картину снаружи. Яркий лунный свет окутывал Париж серебряной вуалью. Дом стоял на высоком месте. Жаль, что забыл спросить, в каком квартале предместий Парижа я находился.

Никакие звуки не нарушали теплую июльскую ночь.

«Ну вот, я снова в Париже», – подумал я. Прошло три года с тех пор, как я, только что получив офицерское звание, был направлен из Арраса в захолустную дыру Рачки,¹⁹ около Сувалок, в Польше. В нескольких километрах за лесом, на другой стороне реки, находился Августов. Это было направление нашего движения; и прошло всего несколько дней, и началось решительное наступление. В то время самым страшным кошмаром для наших войск была Советская Россия. Немецкой армии предстояло решить внушавший ужас жизненно важный вопрос – как далеко еще нужно пройти, прежде чем возникнет возможность окончательно разгромить врага. Страшные предчувствия и опасения лежали на сердце тяжелым грузом, и, как выяснилось в дальнейшем, небезосновательно.

Теперь эта смертоносная семилетняя война близится к завершению. В течение последних восьми дней в Нормандии идет ожесточенная борьба за каждый метр земли. Если вторжение англо-американских войск удастся, а к этому есть все предпосылки, то все будет кончено.

Вой сирен прервал мои размышления. Лучи прожекторов беспорядочно шарили по небу, выискивая вражеские самолеты. Рваные контуры облаков освещались призрачным светом. Лай зениток, разрывы снарядов – обычная рутина.

Внизу по улицам бегали люди, раздавались тревожные крики, ругательства. Здесь в Париже, как и на Рейне, где я провел два дня своего последнего отпуска, мирные жители были доведены до отчаяния постоянными бомбардировками. Как долго еще будут продолжаться их страдания?

«Мы не должны позволять себе слабость, – пробормотал я сам себе. – Среди летчиков-истребителей нет места сентиментальности». Я лег. Ох, подушка! После четырех лет армейских раскладушек она напомнила мне мирную жизнь. Если бы только прошла сильная головная боль – последствие тяжелой ночной посадки. В голове назойливо звучала сентиментальная мелодия; она вспомнилась, когда я стоял у окна, – приятный иностранный напев, который так мало соотносился с войной и печалью, *Sous les toits de Paris...*

---

¹⁹ Рачки – поселок в 15 км юго-западнее г. Сувалки, Польша.

Глава 2

Я медленно передвинул вперед рычаг дросселя. «Фокке-Вульф» задрожал, когда двигатель набрал полную мощность. Силой ускорения меня прижало к спинке сиденья. Удерживая при помощи руля направления нос самолета прямо, я несся по гладкому бетону взлетно-посадочной полосы: 95, 130, 145, 160 – показывал указатель скорости в кабине. На 170 км/ч «Фокке-Вульф» оторвался от земли. Я нажал на кнопку убирания шасси, и небольшая потеря высоты показала, что стойки шасси пошли вверх. Лампы на приборной панели горели ровным зеленым светом... Все в порядке. Теперь необходимо нажать на кнопку поднятия закрылков, которые на взлете давали самолету дополнительную подъемную силу. Рычаг дросселя слегка назад и еще один взгляд на указатель числа оборотов – стрелка отклонилась назад до 3450 об/мин.

Левый разворот и последний взгляд через крыло на аэродром. Он был слишком маленьким для истребителей. Оставив Эйфелеву башню слева от себя, я сделал еще один круг над Парижем. Были видны старые знакомые – Триумфальная арка, церковь Мадлен, а это, должно быть, купол Дома инвалидов²⁰ и дальше налево Лувр.

Пологий левый вираж, и в ярком утреннем свете появились крыши Монмартра. Затем Сакре-Кёр, белая²¹ чужеземная красота в сердце Запада. Ничего не разрушено. Очевидно, город-светоч²² сохранился. С другой стороны, пригороды сильно пострадали от бомбежек. Разрушенными оказались мосты, железнодорожные станции и автомобильные дороги.

Под правым крылом проплыл Булонский лес, за ним вдаль Сен-Жермен и немного в стороне замок. Весной 1940 г. моя саперная рота была переброшена туда из Руана, чтобы принять участие в большом победном параде на Елисейских Полях.²³ Последний в конечном итоге был отменен, но я никогда не забуду те великолепные часы отдыха и расслабления.

Я повернул вправо и прибавил скорости. Теперь было видно красивое искусственное озеро, окруженное террасными садами персиковых деревьев. Знакомый теннисный корт мерцал подобно красному глазу, и белая вилла все еще была там. Да, это была очаровательная земля, земля радостных воспоминаний.

Я улыбнулся, когда подумал о своих прежних товарищах. Хитрый, опытный Бремер, толстый Бремер, добродушный чертежник из Франкфурта с черными жульническими глазами, и Виллиакс из Касселя. Где все они теперь?

Там, на озере, в тени фруктовых деревьев мы однажды резвились с девушкой. Как малые дети, мы брызгались водой. Ивонна беспомощно гребла круг за кругом, а мы трое, подобно сладострастным фавнам, дразнили ее до тех пор, пока она не обратилась в бегство; три мушкетера не смогли найти ее, потому что она стыдливо скрылась в кустарнике.

«Прекрати, Хейлман, ты не должен предаваться мечтам. Бреющие полеты запрещены в окрестностях Парижа, если ты не хочешь заполучить крепкую „ракету“.²⁴ И при этом сверкающее синее небо небезопасное место для истребителя. Тебя могли обнаружить вражеские самолеты».

---

²⁰ Название здания, построенного в 1670-х гг. как госпиталь для раненых солдат. Позднее там был размещен Военный музей. В соборе Дома инвалидов установлен саркофаг с прахом императора Наполеона I.

²¹ В отличие от других католических соборов и церквей базилика Сакре-Кёр окрашена в белый цвет.

²² Город-светоч – так называют Париж французы.

²³ Хейлман ошибается в дате, поскольку немецкие войска вошли в Париж лишь утром 14 июня 1940 г.

²⁴ Жаргонное выражение военных, обозначающее строгий выговор.

Разворот назад. Я летел над Коломбом,²⁵ поворачивая над Сеной в южном направлении от Монмартра к Эйфелевой башне; при дневном свете она, несомненно, выглядела более привлекательно. Я предпочитал этот вид. В памяти еще был свеж образ призрака со смертельной сетью железных ферм, который угрожающе вырос из темноты предыдущим вечером.

Правый разворот – Версаль, и позади него тот несчастный маленький аэродром – Бук, а затем Виллькобле.

Мой собственный дом, если его можно было так называть.

«Но черт! Где я должен приземлиться?» – внезапно подумал я. Никаких подсказок. Этот аэродром находился в рабочем состоянии, так же как и второй, с другой стороны дороги. Никто не упомянул того факта, что в Виллькобле имелись два аэродрома!

Мне необходимо было быстро принять решение, какой аэродром выбрать: северный или южный. Какой из них является нашей «свалкой»? Очевидно, надо бросить монетку. Северный выглядит гораздо лучше, и это, кажется, подразумевает то, что орлиным гнездом истребителей должен быть южный.

Я был прав. В стороне, откуда взлетели сигнальные ракеты, я заметил истребители, замаскированные в своих капонирах. Примчались механики. Я открыл фонарь.

– Здесь базируется III./JG54?

– Нет, вы прибыли не по адресу, – ответил механик, растягивая слова с берлинским акцентом.

– Но там есть истребители.

Я мог не дожидаться ответа. Это действительно были истребители, с острыми носами и маленькими изогнутыми стойками шасси: знаменитые и очень ненавидимые «Мессершмитты-109».

– Мне, как всегда, не везет, – проворчал я. – Кажется, я обречен на то, чтобы так и не найти «Зеленое сердце».²⁶

– Ах, так это туда вы хотите попасть? Это место сведет меня с ума, но не волнуйтесь, герр обер-лейтенант. – Он бросил взгляд на две полоски на моем летном комбинезоне.²⁷ – Вам не нужно будет снова взлетать. Это часто случается. – И он указал двумя красными флагами на левый край аэродрома. – Французы уже привыкли к этому.

В то время как я в недоумении смотрел в направлении, в котором указывал этот человек, открылись широкие ворота, два длинных шеста опустились и перегородили весьма оживленное шоссе. Движение замерло, и я медленно порулил на «Фокке-Вульф» на другое летное поле. Я достиг аэродрома Виллькобле-Северный. Я предполагал, что это будет впечатляющее приземление вместе с 19 другими «Фокке-Вульфи», но теперь прибывал в одиночку, словно обессиленная птица, слишком утомленная, чтобы лететь, и медленно вползающая в свое новое гнездо.

Прекрасное начало, Хейлман! Что твой новый командир, твои будущие боевые товарищи и все те, кто являются свидетелями этого, подумают о твоём появлении в образе воскресшего Дон Кихота?

«Фокке-Вульф» занял место в своем капонире, и механик уже набросил поверх «ящика» зеленые маскировочные сети. Пара вопросительных глаз посмотрела на меня.

---

²⁵ Коломб – северо-западное предместье Парижа.

²⁶ «Grünherz» – название 54-й истребительной эскадры люфтваффе, произошедшее от ее эмблемы – зеленого сердца. Последнее первоначально было персональной эмблемой Ханнеса Траутлофта. Он был родом из Тюрингии, которую называли зеленым сердцем Германии, и потому еще во время боев в Испании на борту своего Vf-109 нарисовал на борту своего большое зеленое сердце. 25 августа 1940 г. майор Траутлофт был назначен командиром JG54, и зеленое сердце стало официальной эмблемой этой эскадры.

²⁷ Поскольку на летных комбинезонах люфтваффе не было предусмотрено ношение погон, звания пилотов можно было определить по специальным нарукавным нашивкам.

– Герр обер-лейтенант, куда я должен доставить ваши вещи?

– О, пока оставьте все это здесь. Я не знаю, где еще остановлюсь.

Обер-фельдфебель остановил проезжавший мотоцикл с коляской.

– Садитесь, между высоких деревьев поверните немного направо. Там штаб.

«Это довольно большой аэродром, – подумал я. – Если ходить пешком, много не сделаешь». Мотоциклист остановился. «Благодарю, вы мне больше не нужны». Привести в порядок летный комбинезон, поправить фуражку, застегнуть ремень – рутинные действия, проделанные сотни раз.

Я вошел в двустворчатую дверь все еще держа в руках летный шлем с наушниками; кто-то пробормотал: «Извините меня, герр обер-лейтенант». Слева сидел ефрейтор, штабной писарь, он следил за беспорядочной болтовней и бурными криками, несшимися из его радио. Наклонившись вперед и прижав ухо к громкоговорителю, стоял офицер. В штабе находилось много офицеров, они были в одних рубашках, лица не бриты, и я сразу почувствовал эту фронтную атмосферу. Через открытую дверь в комнату отдыха я мельком заметил стол со стоявшими на нем чашками с кофе и двух человек, играющих в настольный теннис. Такую же картину я уже наблюдал в России, когда адъютант Генерального штаба вермахта посетил в Сиверской оберста Траутлофта²⁸ и его эскадрилью.

– Говорит Rabe Anton.²⁹ Талли-хо!

Тот человек у громкоговорителя внезапно ожил.

– Курт, он сделал своего четвертого, – обратился он к одному из игроков в теннис и захлопал в ладоши от восхищения. Повернувшись, он увидел меня. – Я Нойман, – и, вспомнив, что на нем надета спортивная рубашка с короткими рукавами, добавил: – Гауптман Нойман, адъютант.³⁰

– Хейлман, из истребительной группы «Запад», с 12 июня назначен в III./JG54.

Рукопожатие у него было вялое и влажное, что мне очень не понравилось.

– Теперь мы можем их слышать. Они около Кана, немного восточнее. Пока сбиты четыре вражеских самолета.

– Rabe Anton – всем самолетам. Gartenzaun.³¹

– Полетное задание выполнено. Будем надеяться, что все прошло хорошо, – произнес адъютант, направляясь в канцелярию. – Пожалуйста, пойдите со мной. Как, вы сказали, ваше имя?

– Хейлман, герр гауптман.

Придерживая левой ногой дверь и балансируя с дюжиной тарелок с едой, маленький, коренастый ефрейтор в белой куртке осматривался вокруг, ища место, куда их поставить. Сдвинув локтем несколько деревянных моделей самолетов на столе, он опустил свою ношу на освободившееся место.

– Главный волнуется больше, чем пастух о своем стаде. – И, выключив радио, он продолжал ворчать: – Старик немного нервный. Хорошо, что у нас сегодня есть хотя бы приличная кормежка.

– Отлично, Калувейт, что вы сегодня принесли?

– Ах, это вы, герр обер-фенрих.³² Есть прекрасное жаркое с соленой капустой.

---

²⁸ Имеется в виду поселок Сиверский, в 58 км южнее Ленинграда, где находился аэродром, на котором в сентябре – декабре 1941 г. базировалась JG54. В тот период ее командир Ханнес Траутлофт имел звание майора.

²⁹ Радиопозывной командира группы, который можно перевести как «первый (старший) ворон».

³⁰ Должность адъютанта в группе или в эскадре обычно занимал один из пилотов, в чьи обязанности входило помогать командиру группы или эскадры в повседневных делах.

³¹ «Садовый забор» (нем.) – термин из кодового словаря летчиков-истребителей, означавший аэродром базирования и команду вернуться.

³² Обер-фенрих – промежуточное звание, которое в люфтваффе получали кандидаты в офицеры. Фактически оно соот-

– Хм-м! – послышалось довольное мычание из угла.

Маленький стол и четыре обитых материей стула, книжная полка, несколько зачитанных газет и журналов, колоды карт, шахматы и шашки, и все это в беспорядке, как если бы только что использовалось. Долговязый рыжий парень в рубашке с короткими рукавами и шортах, с трубкой, зажатой в углу рта, читал французский журнал.

А затем за дверями послышался сильный шум, началась толчея и беготня, случающиеся когда первые пилоты возвращаются из боевого вылета на свой аэродром.

Обер-фенрих торопливо схватил трость, которая выглядела скорее как грубо сделанный посох, и неуклюже двинулся из своего угла. Я заметил, что его правая нога находится в гипсе.

Калувейт пинком распахнул дверь.

– Так, парни, как все прошло? – Его краснощекое лицо уроженца Восточной Пруссии сияло навстречу вновь прибывшим. – Два, три, пять, семь – о, мы все здесь, – сказал он радостно.

– Нет, Фритци, командир не вернулся. Я видел, как он пошел вниз, оставляя шлейф черного дыма. Будем надеяться, что он смог уйти.

– Он – сумасшедший ублюдок, – произнес очень бледный молодой унтер-офицер. – Ситуация для нас не была бы такой сложной, если бы он был немного хладнокровнее.

– Не говорите так.

– Тоймер³³ – прекрасный малый, не знающий, что такое страх.

– Я знаю, но попадает-то нам. Он всегда первым бросается в драку, а нас позади него щиплют.

Тем временем Калувейт накрыл на стол. Пилоты закурили, и спокойствие постепенно восстановилось. Высокий офицер отвел в сторону фельдфебеля:

– Курт, расскажи, как все прошло.

– Так же, как и обычно. Мы не смогли добраться до устья Орна, как хотели. Они теперь начинают атаковать нас над Эврё, самое позднее – над Лизьё. Нам повезло бы гораздо больше, если бы не Тоймер. Вы можете поздравить меня – я сбил «Лайтнинг».³⁴

– Прекрасно, Курт! Удачи!

– Да, фельдфебель, я видел это. Составляйте рапорт, и я подпишусь под ним как свидетель, – сказал бледный унтер-офицер с другой стороны стола.

– Спасибо, Хунгер.³⁵ Спасибо!

– Так что наш Веньякоб³⁶ имеет уже дюжину, – произнес долговязый Остро,³⁷ его черты и произношение говорили о том, что он родом из Восточной Померании.³⁸ Парни называли его Патт. – Если Тоймер не вернется, то он возглавит эскадрилью. Сейчас у нас нехватка офицеров, вплоть до штабных должностей.

ветствовало званию обер-фельдфебеля.

³³ В тот день, 10 июня 1944 г., командир 7./JG54 обер-лейтенант Альфред Тоймер был сбит в бою между г. Лизьё и устьем р. Орн. Он получил ранение, но успел выпрыгнуть с парашютом. В конце сентября 1944 г. Тоймер был назначен командиром 8./JG6, оснащенной реактивными истребителями Me-262. 4 октября 1944 г. при заходе на посадку после тренировочного вылета на его самолете внезапно отказал правый двигатель. Потеряв скорость, «Мессершмитт» врезался в землю, и Тоймер погиб. Он совершил свыше 300 боевых вылетов, на его счету было 76 побед.

³⁴ Американский истребитель P-38 «Lighthning».

³⁵ Речь идет о Клаусе Хунгере. Он пропал без вести (погиб) 18 июля 1944 г., после того как его FW-190A-8 в бою с американскими P-38 был сбит в районе г. Дрё.

³⁶ Всего Отто Веньякоб успел одержать 16 побед. Он пропал без вести (погиб) 23 июня 1944 г., когда его FW-190A-8 не вернулся после воздушного боя в районе Эврё – Кан.

³⁷ Имеется в виду Бруно Островитцки. Он погиб 17 апреля 1945 г., когда его FW-190D-9 упал в озеро Шверинер-Зе, на севере Германии.

³⁸ Померания – историческая область на побережье Балтийского моря с центром в г. Штеттин, входившая сначала в состав Пруссии, а затем Германии. После Второй мировой войны большая ее часть отошла Польше.

– Это было бы здорово, – заметил Хунгер. Он не так давно находился в эскадрилье, и раздражающие «собачьи схватки»³⁹ над плацдармом, очевидно, действовали ему на нервы. Так же, казалось, он не особенно любил лейтенанта Тоймера, командира эскадрильи. Было очень непросто держаться рядом с таким отчаянным сорвиголовой, как Тоймер.

– Мальчики, давайте ешьте, – ворчал Фритц Калувейт.

Они действительно были его мальчиками, поскольку за его широкой спиной были сорок пять прожитых лет и где-то в окрестностях Гольдаппа⁴⁰ его ждало семейство – мать и маленькая Ева.

– Приятного аппетита, ребята!

Командир группы⁴¹ прервал ужин:

– Хейлман, пожалуйста, пойдете со мной, а также вы, Гросс⁴² и Дортенман.⁴³ Эмиль, вы хотите пойти или?..

– Роберт, вы сами сказали это, – весело рассмеялся человек по имени Эмиль.

– Хорошо, передайте мои наилучшие пожелания вашей подруге. – И затем, повернувшись ко мне, пояснил: – У нашего Булли⁴⁴ есть миленькая изящная мадмуазель из кафе в Версале.

Вместе с этой веселой группой офицеров я отправился в следующую комнату, где под резным деревянным геральдическим щитом с зеленым сердцем мы обнаружили несколько удобных кожаных кресел.

Ординарец быстро принес любимый пилотами послеобеденный напиток – ароматный кофе, кексы и турецкие сигареты. Среди своих новых товарищей я начинал чувствовать себя как дома.

Итак, Роберт Вайсс – «прекрасный товарищ», как вчера назвал его доктор Манц, командир 3-й группы в известной эскадре «Зеленое сердце», – слушал отчет о сбитых над фронтом вторжения⁴⁵ вражеских самолетах. Мои глаза блуждали от его Рыцарского креста⁴⁶ до его глаз. Я считал, что хорошо разбираюсь в людях, и глаза этого парня водянисто-синего цвета казались искренними и открытыми. Он был самым старшим по возрасту в этом кругу, за исключением штабных офицеров из нелетного персонала. С другой стороны стола сидел лейтенант Альфред Гросс, произведенный в офицеры за храбрость. За ним сидел лейтенант Дортенман – холодный и скрытный.

– Хейлман, – сказал Вайсс, прерывая мои мысли, – вы возглавите 7-ю эскадрилью лейтенанта Той-мера. – Обернувшись к другим, он продолжил: – Возможно, он снова избежал неприятностей.

«О, житель Вены», – сказал я сам себе, услышав мягкий акцент.

– Он все еще мог выпрыгнуть, но, кажется, ударился о хвостовое оперение. Вероятно, у него сломаны ноги. – И продолжил, повернувшись ко мне: – В воздухе эскадрилью будет вести фельдфебель Веньякоб. Вы будете держаться меня. Я хочу посмотреть, что вы можете. Что

---

³⁹ «Собачья схватка» – жаргонное выражение военных летчиков, означающее ближний маневренный воздушный бой между истребителями.

⁴⁰ Гольдапп – город в Восточной Пруссии. Ныне г. Голдап в Польше.

⁴¹ С 6 июня 1944 г. III./JG54 командовал гауптман Роберт Вайсс.

⁴² 3 сентября 1944 г. FW-190А-8 лейтенанта Альфреда Гросса был сбит в бою в районе Брюсселя. Гросс получил тяжелое ранение, но смог выпрыгнуть с парашютом. После выздоровления в боях больше не участвовал. Он выполнил 175 боевых вылетов и одержал 52 победы.

⁴³ К концу войны на счету обер-лейтенанта Ханса Дортенмана было 38 побед. Он пережил войну и умер в апреле 1973 г.

⁴⁴ Булли – прозвище командира 9./JG54 обер-лейтенанта Эмиля Ланга, которое, в зависимости от контекста, может означать «забияка, хулиган или сутенер».

⁴⁵ Так называли линию фронта, возникшую во Франции после высадки союзных войск на побережье Нормандии.

⁴⁶ Рыцарский Железный крест был наиболее ценной наградой в немецких вооруженных силах во время Второй мировой войны. Учрежденный 1 сентября 1939 г. для награждения «за выдающуюся храбрость перед лицом противника», он стал высшей степенью Железного креста, учрежденного еще 10 марта 1813 г.

случилось с новыми «ящиками», о которых сообщалось раньше? – обратился он к офицерам, сидящим за другим столом и играющим в скат.⁴⁷

– Так, это весьма длинная и мучительная история, – ответил Нойман.

Я почувствовал себя неудобно. Нужно ли мне рассказать о том, что произошло в небе над Парижем?

– Девять из двадцати прибыли, включая герра Хейлмана, – сказал Нойман, бросив свои карты. – Восемь приземлились здесь во время налета истребителей-бомбардировщиков вчера вечером. Герр Хейлман прибыл только час назад.

– Вчера вечером я совершил вынужденную посадку в Буке, – произнес я, прочистив горло.

– Но почему? – с удивлением спросил командир группы.

Я представил свой рапорт. Оба лейтенанта не смогли скрыть молчаливую усмешку, когда с губ Вайсса сорвалось грубое: «Идиот!»

– Да, герр гауптман, – сказал я, глядя прямо ему в лицо.

– О, это не вы, я говорю о командире группы Штайнерте.⁴⁸ Можно было ожидать, что лишь опытный боевой офицер с серебряными крыльями⁴⁹ сможет найти свой аэродром. Это типично, и это тогда, когда мне так срочно требуются пилоты.

Я не удивляюсь тому, что молодые пилоты пугаются, когда впервые участвуют в боевом вылете. Эти глупцы в тылу не делают ничего из того, что необходимо. Все, о чем они заботятся, – так это заполучить все готовое, как на фронте, так и в тылу. Когда пилоты прибывают, то нет никакой возможности повлиять на почтенных «киви»⁵⁰ из командования Кёльн-Остхейм. Поспешно отправить «ящики» подальше с аэродрома, а действительно ли они готовы к боевым действиям – это уже совсем другой вопрос.

Атмосфера за столом, где играли в скат, начала накаляться. Игроки со стуком бросали на стол карту за картой, так что звенели бокалы.

Зазвонил телефон. Ординарец, сняв трубку, позвал командира группы.

– Пожалуйста, подождите минуту. Нойман, возьмите вы.

– Да, герр гауптман.

Прижав к уху вторую телефонную трубку, Нойман записал на своих картах: «„Свободная охота“ в секторе Эврё – Эльбеф.⁵¹ Истребители-бомбардировщики». Это было новое полетное задание.

---

⁴⁷ Скат – карточная игра с участием трех игроков.

⁴⁸ Гауптман Штайнерт исполнял обязанности командира учебно-боевой группы «Запад».

⁴⁹ Имеется в виду Знак пилота, на котором изображен орел с расправленными крыльями. Он был бронзовым, серебряным или золотым.

⁵⁰ Термин «киви» на англо-американском военном жаргоне означает военнослужащего нелетного состава ВВС.

⁵¹ Эльбеф – городок в 16 км южнее г. Руан, Франция.

Глава 3

Фронт вторжения, 20 июля 1944 г.

«Держаться!» – в войска поступил приказ командования. Сражение стало настолько ожесточенным, что о будущем никто не думал, принимались сиюминутные решения, мы жили только сегодняшним днем.

Мои первые «собачьи схватки» остались позади. Везде, где бы мы ни появлялись, превосходство противника было подавляющим. Моя несчастная страна напрасно уповает на немецкие истребители в небе. Если бы вы только знали о том, как безропотно пилоты шли на смерть, выполняя ее приказы. В течение восьми дней я возглавлял 7-ю эскадрилью. За это время мы потеряли 50 процентов наших самолетов и каждого пятого пилота: ожоги, переломы, гибель.

Я закрыл свой дневник. В последнее время я чувствовал себя измученным, под глазами были темные круги, вены на кистях сильно вздулись, выдавая напряженную работу сердца. Нервная система работала на пределе.

Когда за несколько минут до этого пришло известие о попытке покушения на жизнь фюрера, люди очень вяло прореагировали. Я сказал подчиненным то, что должен был сказать, как офицер, связанный военной присягой. В то же самое время я знал, как и любой другой летчик-истребитель, что должен продолжать сражаться за свою страну и летать, даже несмотря на то, что возможность победить в этой войне практически сводилась к нулю.

Безнадежность ситуации превратила многих из тех, кто продолжал сражаться, в наемников. Их нельзя осуждать. В рядах истребительной авиации не было трусов.

Никто не мог предположить, что случится в воздухе через несколько минут: бесполезная и безнадежная дуэль с противником, имеющим подавляющее численное превосходство; короткая «собачья схватка» и стремительная гонка обратно домой, потому что враг приближается со всех сторон и потому что ни помощь друзей, ни самая виртуозная техника пилотирования, ни чрезвычайная смелость не приносили никакой пользы. Просто необходимо было исчезнуть с места боя. Вы должны бежать, хотите этого или нет. Продолжение боя равносильно самоубийству.

И что еще больше переполняло чашу горечи, так это невыполнимые летные задания и недоверие к штабистам, которые безапелляционно посылали нас на смерть из безопасных подвалов или из комфортабельных укрытий вдали от Парижа. С невежеством, а зачастую злым умыслом и предательским вредительством они настойчиво утверждали, что хорошая связь и естественное желание затруднить действия противника или даже сделать их невозможными требуют полета на определенной высоте; в результате чего эскадрилью сотни километров «вели» на высоте 180 метров, в то время как противник, столь же многочисленный, как звезды в небе, и летавший на всех высотах, пикировал на проклятую эскадрилью подобно грифу-стервятнику.

Однако никто не бунтовал! Верность долгу и присяге сплачивала эскадрилью, и командир соблюдал дисциплину так же, как требовал этого от своих подчиненных. Случаев перехода на сторону врага не было, несмотря на все его льстивые речи. Немецкое воспитание и характер препятствовали этому.

Никто из людей, брошенных в бой в эти безумные, последние годы войны, не искал путей спасения. Они повиновались приказам и отправлялись к дьяволу.

Группа спокойно летела северо-западным курсом.

В авангарде «Зеленого сердца»⁵² находился командир группы со своим звеном.⁵³ Я летел позади с 7-й эскадрилей. Выше меня с правого борта – Дортенман, а слева и несколько позади – Фред Гросс с двенадцатью самолетами. В 180 метрах выше летел гауптман Ланг с 9-й эскадрилей – Булли всегда предпочитал работу «наблюдателя». Во втором и третьем эшелоне следовали остальные звенья FW-190. Высоко над нами в утреннем солнечном свете сверкали узкие фюзеляжи Me-109 – новая модификация с улучшенными характеристиками, разработанная в качестве высотного истребителя. Всего было около 150 истребителей, и казалось, что в район вторжения послали целую армаду.

Ведущим был Rabe Anton. На сей раз мы летели на большой высоте – между 3700 и 5500 метрами – с 250-килограммовыми бомбами, подвешенными под фюзеляжами. Они были предназначены для кораблей, сконцентрированных в устье реки Орн.

Было приказано соблюдать радиомолчание, никаких переговоров между пилотами. По двусторонней связи транслировались последние команды «Примадонны», наземной радиостанции наведения, расположенной на Эйфелевой башне, и команды Rabe Anton. На севере показался знакомый и очень пугающий Ла-Манш.

Летя справа и позади командира группы, я чувствовал высочайшее нервное напряжение, царившее в соединении. Мне необходимо сохранять хладнокровие, хотя сердце сильно колотится, а глаза ищут цель. Вот она! Появившаяся ниже нас справа сверкающая, свинцово-белая широкая воронка устья Орна. Британский флот, находящийся в устье, похож на тонкие черные карандаши, связанные в большие пучки. Толстые, тучные глыбы среди них – транспорты, которые необходимо уничтожить.

Самолеты круто повернули на северо-восток и зашли со стороны солнца, чтобы его яркие лучи при атаке затрудняли действия обороняющихся. Rabe Anton отдал команду: «Выбрать себе цель. Включить подсветку прицелов». Белые круги с перекрестьем четко засветились на экране. Электросистема управления огнем включена, и кнопки спуска готовы к стрельбе.

«Фокке-Вульф» пикировали на свои цели с высоты 3700 метров. Скорость росла: 640, 720, 800 км/ч. Самолет содрогался, вибрировал и скрипел от испытываемых перегрузок. Позади законцовок крыльев в синем утреннем небе оставались длинные молочные инверсионные следы. Начала стрелять зенитная артиллерия. Трассеры со свистом пролетали мимо кабин дьявольским желто-красным огненным дождем. Расплывающиеся черные дымные шары от разрывов снарядов формировались в огромные кучевые облака. На такой высокой скорости моя кровь бежала быстрее, а глаза вылезали из орбит. Веки начали гореть, а рот был широко открыт из-за недостатка кислорода.

Толстый черный «ящик», появился в прицеле, нужно нажать на кнопку сброса бомбы, чтобы отделение произошло строго над целью. Самолет преследовал отчаянный огонь из всех орудий, наиболее точной была корабельная зенитная артиллерия.

А теперь самое сложное – уйти невредимым из этого дьявольского котла, в который со всех сторон неслись «индейцы»,⁵⁴ чтобы защитить суда. Обычно после атаки проще всего уйти на малой высоте, но в данном случае это было невозможно, поскольку район слишком хорошо защищен. В окрестностях Кана был установлен в воздухе плотный «забор» из аэростатов заграждения, и их тросы могли срезать наши крылья. Никто из летчиков-истребителей не захотел бы вступать в «собачью схватку» среди аэростатов заграждения.

---

⁵² Здесь и далее под этим названием Хейлман имеет в виду только III./JG54. Остальные три группы этой эскадры действовали на Восточном фронте.

⁵³ В каждой истребительной группе люфтваффе было штабное звено, в которое входили командир группы, адъютант группы, офицер по техническому обеспечению и обычно кто-то из унтер-офицеров. В распоряжении командира эскадры также было штабное звено, а порой и целая эскадрилья.

⁵⁴ «Индейцы» – термин из кодового словаря радиопереговоров пилотов люфтваффе для обозначения американских истребителей.

Единственное, что оставалось, – так это снова набрать высоту. Я держался близко к командиру группы, мой двигатель работал на пределе. Из услышанных радиопереговоров я понял, что разворачивается большой воздушный бой. Отчаянные крики людей, находившихся в большой опасности, прерывались отдельными спокойными командами командиров эскадрилий. Время от времени раздавался клич «Талли-хо», извещавший о победе в ожесточенной схватке. Когда кто-то закричал: «„Спитфайр!“, „Спитфайр!“ Я не могу оторваться. Помогите мне!», я отключил свою рацию. Я сказал сам себе, что когда наиболее опытные пилоты ощущают страх, то они предпочитают отключать свою рацию. Командир достиг кромки облаков. Прямо под нами Булли собирал свою стаю, и я легко мог разглядеть их желтые номера. Кажется, «зеленые сердца» благополучно выпутались из трудного положения. В задней полусфере, сквозь шквал зенитного огня, я видел дикую карусель «индейцев» и «бандитов»,⁵⁵ круживших друг перед другом, подобно роям шершней, ища брешь, в которую можно прорваться, чтобы сбить противника. Машины пикируют к земле, вспышка пламени... Далеко позади столбы черного дыма над горящими судами, ослепительный свет всполохов огня...

Я дернул ручку управления на себя, нечто темное пронеслось прямо под моим «Фокке-Вульфом». Было чертовски неудобно в этой гряде облаков. Действительно ли это был «Блэк-Видоу», новый черный брат двухфюзеляжного «Лайтнинга»?⁵⁶ Жаль, если бы я увидел его на долю секунды раньше, то мог бы сбить. Враг, видимо, тоже испугался и подумал о том же.

Теперь я снова был с эскадрилей. Собрались приблизительно пятьдесят «Фокке-Вульфов». Переворот через крыло... Я пикировал к Сене, которая подобно матери вела своих заблудившихся детей домой.

Три часа спустя...

Срочный взлет! Нас спешно подняли на отражение атаки приближавшейся армады «Лайтнингов» и «Мустангов», выполнявшей штурмовку линий связи между Алансоном и Шартром. Ведущий – лейтенант Дортенман. Я взлетел в составе эскадрильи из шестнадцати «Фокке-Вульфов». Мы поднимались по крутой спирали, преимущество в высоте было залогом успеха в такой атаке. Курс 270°. Мы скоро достигли холмистой местности западнее Шартра. «Внимание», – передал по радио Дортенман, сообщая об «индейцах» позади слева и несколько ниже нас. Мгновение спустя он внезапно оборвал передачу, а я был атакован со стороны солнца. «Не очень любезно», – подумал я. Несмотря на уменьшенные обороты, противник летел все еще слишком быстро, а его заход был слишком крутым.

Мне пришлось прервать мои размышления, автоматически я рванул машину в сторону и совершил резкий разворот. Я увидел инверсионные следы, остающиеся сзади моей машины. Приходилось быть очень осторожным с «Лайтнингами», поскольку они имели в носовой части четыре пушки,⁵⁷ обладавшие разрушительной огневой мощностью.

– Хейлман Дортенману. Атакован сверху.

– «Виктор».⁵⁸ Постарайтесь сформировать защитный круг.

Скоро шесть «Фокке-Вульфов» образовали плотный оборонительный круг; атакующие «Мустанги» не могли его разорвать, если не хотели подвергнуться опасности оказаться в нашем прицеле. В то время как Дортенман с оставшимися десятью машинами старался занять пози-

⁵⁵ «Бандиты» – термин из англо-американского военного жаргона, обозначающий вражеский истребитель, то есть в данном случае немецкий.

⁵⁶ Имеется в виду американский двухмоторный двух- или трехместный самолет P-61 «Black Widow», применяющийся как ночной истребитель и истребитель-бомбардировщик и потому чаще всего имеющий черную окраску. Аэродинамическая схема схожа с одноместным двухмоторным истребителем P-38 «Lightning».

⁵⁷ Фактически вооружение истребителя P-38 включало одну 20-мм пушку и четыре 12,7-мм пулемета.

⁵⁸ «Виктор» – кодовое слово из словаря радиопереговоров пилотов люфтваффе, означавшее «все в порядке», «понял».

цию для атаки с превосходящей высоты, снизу на широком развороте с набором высоты появились «Лайтнинги», вызванные «Мустангами» на помощь. Их было около тридцати.

Я увидел, как три «Мустанга» заходят для атаки. Быстрый взгляд назад. Слава богу, белая «четверка» – машина длинного Патта – была на месте. Карусель началась. Трассеры... Мимо... Теперь с правого борта. Горка.⁵⁹ Разворот на вертикали. Выравнивание. Я сел на хвост «Мустанга». Американец почувствовал опасность и бросал свой разукрашенный самолет из стороны в сторону. Жаль, но мои трассеры не попали в него и исчезли сзади его самолета. Я закладывал все более крутые виражи. Победителем должен был стать тот, кто выполнял развороты с меньшим радиусом. Небо оказалось надо мной, затем с правого борта появились лесистые холмы, раскачивающиеся словно гигантское каменное лицо. Удивительный мир, но нет времени, чтобы им любоваться. Это была борьба не на жизнь, а на смерть. Тот, кто первым начнет стрелять, имеет шансы уцелеть, и в этом жестком состязании на виражах я вынудил «Мустанг» оказаться в моем прицеле.

---

⁵⁹ Горка – название фигуры высшего пилотажа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.